

— Смотрите, что у меня есть! — Лацис привалился к столу Немеца. Бедняга, его рабочее место было первым на входе в редакцию. Лацис, как был, в пальто, в своей дурной шапке, больше похожей на шерстяной чулок, напыленный на тыкву, так и развалился на рабочем столе Немеца. — Да что вы за люди! Это же последний прижизненный автограф самого Вежляна!

— Прижизненный? — пытаюсь изобразить насмешку, раздражённо сказал Немец, деликатно, по-кошачьи отталкивая сырого от дождя Лациса. — А бывают последние неприжизненные? — *завглавреда*, чистюля по части словоупотребления, брал на себя обязанность лечить речевые небрежности Лациса, внешне выражая это преимущественно как презрение и неприязнь.

— Да смотрите же, — не замечая Немеца, продолжал Лацис, — тут и дата, и подпись некому... некому... — он запнулся, дальнозорко отстраняя развёрнутую книгу.

— Неко-е-му... — прошептал, задыхаясь от ненависти, Немец

— Да вот же, — шумливый Лацис бросил разваливаться на столе, резко встал, — вот же: «Дорогому Иову — неразборчиво — с сердечной радостью и с почти неизъяснимым чувством благодарности дарю я эту книгу, одному из моих первых читателей и почитателей. Пусть слова её будут — опять неразборчиво — и памятны, как мои чувства уважения и дружбы к Вам». Число и длинная закорючка.

Тут уж сбежалось пол-отдела. Окружили Лациса и чуть не задушили Немеца, который не успел встать и теперь оказался на дне забурлившей редакции. Все протягивали руки и поворачивали книгу к себе, чтобы рассмотреть тяжёлую, одутловатую подпись, похожую на пароход, пустивший из трубы дымную гусеницу. На шум из своего кабинета вышел сам главред.

— Что случилось? — попытался сказать он грозно. Но в глазах выскочил испуг. В тишине услышали писк Немеца и расступились.

— Это последняя книга Вежляна... — зав задышался и краснел, поправляя пиджак, который с него почти содрали. — С подписью...

— Да не может быть! — оживился главред. — А ну-ка... — он подошёл к редакционному толковищу и ловко закинул разболтанные очки на нос,

как велосипедист ногу на своего стального друга. И внутри квадратных ободов сквозь потёртые линзы профессионально качнулись оба глаза. Но и только.

— Да... это он... — грузно сказал главред. Снял очки и закусил дужку. — Это он... Откуда у вас это? — Главред с надеждой осмотрел сотрудников. Дряблое, осевшее лицо осветила неуверенная улыбка. Случайные лохмотья причёски, которую он умудрялся сохранять каждый день. Пыльный заношенный пиджак. Вид человека, которого вдруг из праздника жизни выставили под дождь. И вообще недоумевающее выражение лица — «за что?» — Это последний автограф Вежляна, — весело сказал Лацис и улыбнулся.

— Последний прижизненный... — авторитетно добавил Немец, уже поправив пиджак и потускнев. — Я нашёл книгу на развале у букиниста. Возле стены. Он торгует возле стены с тележки, как у грузчиков. Знаете, такой носатый, какой-то... репейный старик. Неприятный.

Главред прислонил книжку к подбородку, как будто припоминая старика. Согласно покачал головой — припомнил.

— Да-да-да... в своё время, молодой человек, — он задумчиво посмотрел на сорокалетнего Лациса, — Вежлян был первым писателем в отечестве. Его именем называли котов!.. Как он писал! Как он писал! Его не стеснялись называть гением. Его поклонниками было полстраны. Власть его любила. Его буквально носили на руках — от одного края страны до другого. Он, бывало, сядет в свой автомобильчик и... Да, он был сказочно богат! — главред неуместно оживился, присел на стол Немеца, потеснив стопки невычитанного «самотёка». — Не поверите, но каждый год издавали собрания его сочинений. Каждый год! И он всё время куда-нибудь ездил на своей крошечной машинке. Выедет — а его тут же узнают, подхватят на руки и несут прямо в авто до следующего города. А там снова подхватят и снова несут. И такая эстафета без конца. И вот так его любил народ... Сейчас так не пишут. Считают старомодным. Называют «грехом словоизбыточности».

— Вы сказали, он был богат? — весело спросил Лацис.

— Да, молодой человек, — главред похлопал сотрудника по мокрому плечу. — Что это было за время! Какие состояния наживали! — взгляд начальника редакции затуманился, и он начал свой рассказ.

В тот год вышла третья книга Вежляна. Роман за тысячу страниц. Какой это был слог! Сказочный. Сочный. Если кто уронит спелую дыню *об асфальт*, она брызнет во все стороны и в воздухе раздастся сахарная испарина на весь квартал. Вот какой тогда был у него стиль! Роман стяжал все литературные премии. Все хоть сколько-нибудь стоящие журналы перепечатавали у себя отрывки из него — эти дынные кусочки. Самые пьянчуги, люди забуддыжные, — и те бранились исключительно словами антигероев Вежляна. Слава была вселенская! Литература стояла в своём расцвете, и его главным светилом был Вежлян. Вы знаете, это был скромный, иногда не брившийся человек. Глаза у него были самые обыкновенные, а улыбка такая кроткая, как будто нарисованная. Выхвати его из цветника актёров, художников, политиков, поставь среди обывателей, и никто не спросит, что это за человек. Но как только открывали его книгу, читали, — и было понятно: он гений. Едва только ходили неуместные слухи о его стеснительности и жадности. Говорили, что именно из их противоречивого сочетания он не стал ещё публичным деятелем. Его брали во всенародные обсуждения как справедливого третейского судью, и в политику приглашали, и везде он был уместен и везде себя умел вести.

Однако ж стало доподлинно известно, что купил он уж очень хорошую недвижимость — прямо в центре столицы. Старинный, очень дорогой особняк. В окружении элитных, так сказать, домов. Сначала это даже приветствовали. Считали, что теперь-то он преодолел свою застенчивость и сам войдёт в культурную, так сказать, элиту. Но переиздали его роман. А потом ещё и ещё. За несколько лет состоялось десять — десять! — переизданий. Гонорарами набухли карманы Вежляна, и он напропалую стал скупать всю недвижимость в округе. Были уже некрасивые скандалы, судебные разбирательства. Якобы писатель решил завладеть всем кварталом вокруг своего дома и сделать его полностью своим. А это, между прочим, самые дорогие и старинные особняки. Но... Видимо, тут пригодились и связи в высшей политике, и среди вожakov общественного мнения, и он таки схватил эту инкрустированную древними сокровищами кость. Словно нагулявший мощь, скрытный до этого хищник. Теперь он жил в своём собственном городке, королевстве, так сказать, как папа Римский в авиньонской или вагиканской резиденции. Поставили разъезды со шлагбаумами. Выписывали пропуска, продавали билеты, чтобы пройтись по улочкам, где теперь свободно разгуливали

только коты и голуби. И вышла его новая книга. Уж насколько был совершенен его предыдущий роман, но этот, как говорится, всех просто потряс. Даже его враги мрачнели над его строчками, преклоняясь перед таким невозможным талантом, сокрушённо роняли головы со слезами сопереживания героям и бессилия перед божеством. Ведь божеством стал Вежлян, а книга — новым Откровением. Ведь настолько она превосходила всё написанное прежде, что вот как любая жизненная мелочь... Вот выйдешь сейчас на улицу, вдохнёшь сырого воздуха, пропитанного дождём и окрашенного фонарями и городскими звуками — и почувствуешь саму жизнь, и как намокло лицо и подморозило краешки пальцев... Как самый заурядный, но объёмный эпизод жизни убивает самую великолепную картину, так и его книга просто ослепила своей реалистичностью всю прежнюю литературу. Если Нобелевская премия и так была обещана всем нам его гениальностью, то теперь она стала просто неизбежна и необходима. Да. Таков был всеобщий восторг.

Но и этого было мало. Вежлян объявил, что теперь напишет книгу, от «которой померкнут небеса и люди сойдут с ума, ибо не надо им будет ни есть, ни пить, ни молиться, ни размножаться, ни даже голосовать». Да, таково было самомнение автора, таков теперь стал Вежлян, который захотел перевернуть саму реальность. Люди затаили дыхание. Или в ожидании новой книги, или что небеса разверзнутся и замкнут писательские уста.

Однако как же удалось автору так точно, доселе невероятно истинно передать жизнь? Что именно производило такие манипуляции с душой читателя теми же самыми словами, которые, будучи всего лишь обычными типографскими значками, используются всяким борзописцем?

А вот что. Вежлян, как было сказано, перестал путешествовать и тратить деньги на дома. Теперь он объединил свою резиденцию в одно огромное здание, даже замок. Из любой комнаты можно было идти вправо или влево, вверх или вниз. Из восточной части квартала перейти по запутанным, явным или тайным коридорам в западную или северную. Он завёл там павильоны разных эпох, культур, национальностей; населил их людьми. Он завёл там целые поселения. Снабжал их пропитаньем, всем необходимым. И наблюдал. Каждое движение, каждое мгновение жизни. Как растёт ребёнок, как роняет он слезу; как влюбляется юноша; как ненавидит герой и убивает злодей. В любой час суток он приходил, садился и смотрел в упор на персонажа своего будущего романа. За специальным стеклом не увидеть божественного соглядатая.

Множество раз с оглушённой душой он внимал поистине шекспировским страстям. Самым возвышенным и низменным порывам. Разврату

и убийствам, подлым предательствам и режечистым, одиноком поступкам жертвенности. Он рыдал, как ребёнок, падал на колени и, словно опьянённый открытием совершенно обнажённой истины, лежал в прострации целыми часами, мысленно повторяя картину на его глазах совершённого убийства. Водил пальцем по пыльному полу, невидимо уставившись туда, где за стеклом давно уж остыли следы преступления. И бытие в его сознании возрождалось новыми, драматичными и потаёнными глубинами.

Так он жил в самочинно устроенном им страшном царстве.

Говорят, книга уже подходила к самому концу. Не хватало последнего разрушительного эпизода, где народ восставал против властей и божества. Искал «мирового затейника», крушил старый мир, и, погибая под его сводами, выходил к тихой вечерней заре, которая ночной тишиной опускалась на новый, уже освобождённый мир.

Однажды съехались полицейские со всего города, взламывая двери, пошли по коридорам, освобождая людей и ужасаясь замыслу. Устроили облаву. Искали сумасшедшего автора несколько дней. Потом приставы опечатали помещения, навесили новые замки, и всё стало тихо. Говорят, народу освободили несколько сотен. В основном из бывших бездомных и нищих. Говорят, он довёл их до «каменного века». Говорят, зловредные стёкла с односторонней видимостью, которыми он вымостил почти все внутренние стены, длиной несколько километров. Говорят, на одни замки приставов государство потратило миллионы. А автора так и не нашли. Возможно, он смешался среди той толпы несчастных, которую разделили на множество групп и развезли по приютам.

Нечего говорить, что с писателем Вежляном было покончено. И навсегда. Его объявили извращённым сумасшедшим, государственным преступником, безумным еретиком. Книги его изымали из библиотек и магазинов и принародно сжигали. Люди молчали и плакали. Плакали и молчали навзрыд. Но всё равно, всё равно желали освободиться от этого грандиозного и чудовищного прошлого...

— Так, что же это за книга?.. — главред посмотрел на обложку. — О, да это редкий экземпляр! Второй роман ещё невинového, ещё невинного автора. Законом это не возбраняется, но всё равно, я бы советовал поосторожнее... поосторожнее... — сказал он Лацису.

— Вежляна так и не нашли? — спросил кто-то.

— Нет... Кстати, это не вся история, — спохватился главред, собравшийся уже было слезать со стола Немеца. — Есть продолжение. Квартал тот, как вы знаете, пустым стоит до сих пор. Иногда в его окнах видят огни. Потом внутри находят манекены. Много манекенов. В разных позах и костюмах. Преимущественно в таких, как будто это восставшие идут на штурм. Это якобы автор расставлял их и пытался срисовать с них тот последний, не написанный эпизод. Будто бы он так привык к натурным наблюдениям, что ничего уж и сам выдумать не мог...

— А было бы всё-таки интересно почитать эту ненаписанную книгу... — задумчиво прошептал Немец. Все вокруг посмотрели на него с неприятным возмущением. Кто-то даже вслух оскорбился. — А вы, я вижу, не так прост... не так прост, — со смехом сказал главред и покинул нагретое местечко. Перед тем как снова запереться в своём кабинетике, уже наполовину засунувшись туда, он задумчиво добавил:

— А вот мы так и пишем, словно рисуем с манекенов... Ни жизни, ни страстей... — Хотел было добавить что-то ещё, но сдержался, серьёзно посмотрев на сотрудников.

Иногда Немец заходил на книжный развал, прячась, наблюдал, не появится ли возле стены тот самый «репейный старик». Дома у Немеца хранилось много изданий Вежляна. И все они были с его автографами. Старые, поношенные временем книги. Многие совсем потрёпанные, некоторые со следами огня. А автографы в них сияли свежестью. И если они были настоящими, авторскими, то, значит, являлись последними штрихами, которые оставлял их автор в этом мире. И, значит, где-то прятался со своей последней книгой сам Вежлян.